

ЭТОС В. И. ВЕРНАДСКОГО И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Автор: О. Н. ЯНИЦКИЙ

Ровно сто лет назад В. Вернадский поставил вопрос об "общественной этике", об "обязанностях и нормах поведения отдельного русского гражданина". Однако к проблеме этики ученого, их роли хранителей "интересов науки и знания" в эпоху государственного переустройства он возвращался в течение всей своей жизни [Вернадский, 1995, с. 44, 60, 61].

Концепция этоса науки была выдвинута американским социологом Р. Мертоном в 1940-х гг. Этосом науки он называет "эмоционально насыщенный комплекс ценностей и норм, разделяемых учеными. Эти нормы выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. Они легитимизируются в терминах институциональных ценностей". По Мертону, этос науки создается четырьмя множествами институциональных императивов: (1) всеобщность - результат исследований должен быть доступен для всех, то есть является общественной ценностью (благом); (2) универсализм - оценка научных результатов должна базироваться на внеперсональных критериях, то есть быть не зависимой от половозрастной, расовой, социальной или иной принадлежности ученого; (3) незаинтересованность (бескорыстие) - ученый должен быть эмоционально отстранен от предмета анализа; внеученные (религиозные, политические и иные) предпочтения аналитика не должны влиять на результаты его исследования; (4) скептицизм и публичность - исследователь должен быть критичным к своей и чужой работе, сомнения и ошибки должны обсуждаться публично. Позже в эту схему Мертон внес еще два пункта: оригинальность (новизна) и скромность (см. [Merton, 1942; 1949; Демина, 2005, с. 8 - 11]).

Развитие этой модели, ее критический анализ и ее другие интерпретации даны в [Мирская, 1975; Демина, 2005]. Тем не менее отмечу, что Мертон, противопоставляя в известной мере строгую научность, отстраненность, "объективность" целям общего блага, создавал скорее концепцию этоса фундаментального исследования, а не науки как социального института, встроенного в более общий социальный порядок. Поэтому вопросы трансляции научных фактов (истин) в общество, восприимчивость к ним последнего Мертоном не рассматривались. Далее, он создавал свою концепцию этоса нау-

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта (грант Российского гуманитарного научного фонда N 07-03-00111а). Приношу глубокую благодарность доктору геолого-минералогических наук В. Волкову за ценные замечания и предложения.

Я н и ц к и й Олег Николаевич - доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

ки на сравнительно узком эмпирическом материале - нескольких десятков интервью с учеными за короткий период времени, что не позволило ему эксплицировать эволюцию изучаемого феномена. Наконец, из приведенной модели этоса ученого ясно, что он - "внешний наблюдатель", *outsider*, но никак не участник, не публичный политик. То есть при всей рафинированности мертоновской модели она была частичной, ушербной хотя бы потому, что опиралась на интервью с представителями фундаментальной науки.

Чем интересен для нас "этос Вернадского"? Он действительно уникален, и эта уникальность складывается из нескольких обстоятельств. Благодаря ставшим доступными его дневникам 1917 - 1941 гг., его переписке с учеными и публицистическим работам, можно проследить, как этос ученого разворачивался, эволюционировал и в то же время фиксировался, кристаллизовался на протяжении более 40 лет. Этот этос "обращен" не только к науке, но к обществу в целом и даже ко всему человечеству. Благодаря дневникам и обширным комментариям к ним (более 100 печатных листов), сделанным В. Волковым, мы можем проследить, как данный этос проявлялся и сопротивлялся в критических ситуациях первой половины XX в. Перед нами "этос-в-контексте" эпохи, реакция на нее. Тем самым достигается принципиальное отличие от модели Мертона, что стало возможным благодаря усилиям публикатора, сумевшего "поднять на поверхность" весь социальный и политический контекст российского существования науки той эпохи. В дневнике и комментариях "говорят" и рефлексиируют не только Вернадский, но и целый сонм персонажей - близких и дальних родственников и друзей, ученых, политиков, чиновников, студентов и даже политзаключенных (именной указатель только к дневникам 1935 - 1941 гг. насчитывает более 1400 имен, большинство из которых снабжено краткими биографическими справками). Поэтому данный этос не противопоставлен официальному абсолютно, а формируется и оттачивается в напряженном и опасном диалоге с властями предрежащими, и читатель может наблюдать за этим процессом.

Я бы сказал больше: это - материал для понимания этоса русской и советской науки и интеллигенции первой половины XX в., то есть практически того же времени, когда создавал свою концепцию Мертон. Без понимания вовлеченности Вернадского в контекст эпохи, без того, чтобы услышать голоса "других", все многоголосие профессионалов и "людей улицы", этические максимы этого русского ученого не могли бы быть раскрыты. Как свидетельствуют дневники и вкрапленные в них "Хронологии", которые представляли собой подготовительные материалы к неосуществленным мемуарам Вернадского (а в действительности - к написанию истории научной и, возможно, общественной мысли России), он собирался написать историю России на переломе эпох "изнутри" как участник и свидетель. "Я живу настоящим и будущим", писал он, подчеркивая при этом, что это "удивительное время, значение которого далеко еще не понято" [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 9].

Еще одно принципиальное соображение. Вследствие нескольких пережитых кризисных жизненных ситуаций, Вернадский считал себя избранным, "высшей познавательной субстанцией", раздавая иной раз многим именитым ученым и государственным чиновникам весьма низкие профессиональные и моральные оценки. Но при всем при этом он считал своим долгом постоянно обсуждать свои идеи с коллегами, в широком кругу близких и не только обсуждать, но и слушать других, оценивая себя и свои ошибки. Критичность по отношению к себе была очень высока. Высшей похвалой себе самому была ремарка в дневнике: "Сегодня думал хорошо". Масса людей, тянувшихся к нему до самой его смерти, - за советом, помощью, желанием обсудить какую-то идею, - лучшее тому свидетельство. Наконец, благодаря совокупности дневников и комментариев мы можем оценить "дальнодействие" этоса Вернадского, включая и нашу эпоху. Естественно, данная статья носит ограниченный характер и не претендует на этическое обобщение обширного наследия Вернадского, разрабатываемого российскими учеными на протяжении более 30 лет.

Замысел

Мертон эмпирически "вычислил" этос науки. Вернадский его отфильтровывал, отжимал в ходе всей своей жизни ученого и общественного деятеля. Постепенно кристаллизовались некоторые предпосылки, которые лежат в основе его этической концепции. Постараюсь детализировать различие этих подходов.

Мертон начинает с императива всеобщности, то есть общедоступности результата отдельного исследователя. У Вернадского всеобщность иная. Он видит в науке всеобщую производительную силу, наука трактуется им как планетарный процесс производства знаний, который носит надындивидуальный, постоянно обновляющийся, преемственный и непрерывный характер. Выражаясь современным языком, наука, по Вернадскому, есть производительная сеть, коммуникативная система. "Наука - это не создание отдельных ученых - а всего коллектива поколений, и в своей основе состоит в "мире" - реальности - построенной и выражающейся прежде всего в *научном аппарате человечества*, состоящем из понятий - *естественных тел*, охватываемом *эмпирическими обобщениями* и связываемом научными теориями и гипотезами, неизбежно *временными* и на фоне исканий неизбежно *бренными*... Наука есть *природное* явление, активное выражение геологического проявления человечества, превращающего биосферу в ноосферу..." [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 395].

Вот запись в дневнике от 13 июня 1941 г.: "Вчера у меня ясно сложились представления *о свободе мысли* как основной *геологической силе*..." И - далее: "Вчера для меня стало ясно, что в структуру *ноосферы* входит человеческая мысль, то есть в реальной жизни человека - *свобода* мысли должна стоять наравне с теми экономическими "свободами" которые лежат в основе всякого социализма" [Вернадский, 2006, кн. 2, с. 255]. Через три дня он продолжает: моя "мысль направляется к необходимости свободы мысли, как основной, равноценной основной структуры социального строя, в котором личность не является распорядителем орудий производства... Надо пересмотреть с этой точки зрения Маркса. Он ясно видел, что мысль человека создает производительную силу" [Вернадский, 2006, кн. 2, с. 258].

Но уровень общепланетарного знания всегда зависит от нескольких "точек роста" науки, ее лидеров. В то же время эта сеть включает также лжеученых, выскочек, карьеристов и бюрократов от науки и вне ее? ("Карьеристы-ученые совместно с мелкими коммунистами-мародерами", еще не самая суровая оценка научной среды 1930-х гг., данная Вернадским [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 375].) Но есть еще среда всеобъемлющая: государство и общество. Вот фрагмент его воспоминаний об одной из научных командировок в провинцию: как и повсюду, "придиралась милиция... Как всегда, постоянное мучение людей и грубое проявление типов Щедрина и Островского. Проникнуты <всюду>, среди господствующей, держащей диктатуру толпы, этими типами. Здесь они только дезорганизуют налаживающуюся жизнь и держат людей в мелочном раздражении - в угнетенном настроении. Ясно для всех, что эти люди без убеждений - все время боящиеся потерять блага жизни и готовые для того чтобы их удержать пойти на все, именно перестанут бояться. Создают видимость пафоса. По-видимому, вдали от столиц эти люди (другой состав?) не сплошь такие и делают положительное дело жестокими и безнравственными средствами. Здесь собирается самая бездарная и бессильная часть - ниже среднего по уровню обывателя" [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 85 - 86].

Мертон говорил об "универсализме", то есть оценке научных результатов как таковых, вне зависимости от социальной или иной принадлежности исследователя. И для Вернадского факты науки - первоочередное и главное. Но в отличие от Мертона, он в течение полустолетия фиксировал их искажение, отставание, политически ангажированную интерпретацию и просто уничтожение (вместе с их носителями) полицейско-бюрократической машиной русского, а затем и советского государства. В 1911 г. Вернадский писал: "Русская умственная культура в XIX и начале XX веков может считаться созданием *общественной самостоятельности*. Государственная организация большею частью явилась враждебным ей элементом... Наиболее резко эти антикультурные тен-

денции сказались в ведомстве, прямой государственной функцией которого должна была бы являться работа на пользу русской умственной культуры, - в ведомстве Министерства народного просвещения" [Вернадский, 1995, с. 186]. Эта его характеристика, по существу, относится ко всей истории российской науки.

Вот лишь самый краткий реестр факторов, угнетающих науку. Низкий уровень правящей бюрократии, он гораздо ниже среднего уровня страны; постоянные конфликты между профессионалами и партийными функционерами, последние терроризируют организаторов науки; над крупными учеными стоят партийные надсмотрщики; глубокий раскол между жизнью и властью; "бездельники и вороватые - держатся сплоченностью и страхом"; вследствие чего теряется преимущество научной работы; огрубление правил поведения в научной среде; отсечение корпуса знаний прошлого [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 256, 319, 321, 347, 369; кн. 2, с. 26]. Вернадский долгие годы боролся за развитие исследований по истории науки, за сохранение Института истории наук [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 216]. Устаревшее оборудование, нехватка ресурсов, запреты на получение журналов и другой научной информации из-за рубежа... То же и в вузах: "Университетская "реформа" совершенно не отвечает потребностям преподавания. Такое бездарное творчество, как и в работе над структурой Академии" [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 207]. Общий вывод: "Положение научной работы чрезвычайно ухудшается из-за диктатуры партии. Это ярко проявляется на каждом шагу. Получают значение и влияние люди малообразованные, часто морально много ниже среднего, иногда фанатики и психически неуравновешенные". Партийная бюрократия берет власть в АН СССР [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 80, 280].

Далее. Мертон говорит, что исследователи должны быть эмоционально отстранены от предмета анализа; вненаучные (по Мертону, религиозные, политические и иные) предпочтения аналитика не должны влиять на результаты его исследования. Здесь есть проблема интерпретации. Если Вернадский всю жизнь горячо отстаивал интересы науки, свободу научного поиска, то как это расценивать? Если Вернадский говорил, что ему близок прагматизм как философия Дж. Дьюи [Вернадский, 2006, кн. 2, с. 81], который трактовал "опыт" как совокупный результат эстетики, морали, права, политики, науки и религии. Что это - наказуемое предпочтение? Если русский ученый всегда соотносил процесс познания и социально-политическую среду, в которой он происходит, значит ли это, что он "вненаучен"? Если наконец, в критические моменты он брал ответственность на себя - выступал, требовал, писал, превращаясь тем самым в публичного политика, как с этим быть? Думаю, что правильнее будет говорить о нравственной, гражданской позиции русского ученого.

А она вырабатывалась в кругу единомышленников и друзей. Здесь нельзя не сказать о "Братстве"¹. Именно в этом кружке Вернадский мог обсуждать со старыми друзьями самые разные проблемы: о соотношении науки и философии, православии, бессмертии души. Причем разговоры о "бессмертии, о религии, о Боге" он называл "основными" [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 71]². Братство было одной из важнейших "референтных точек" биографии Вернадского, во многом именно оно сформировало его моральный кодекс и научный этос. Линия жизни ученого во многом определилась судьбой окружавших его единомышленников и друзей. Представляется, что Мертон и Вернадский стояли на методологически разных позициях относительно процесса познания. Мертон ограничил сферу своего интереса отношением "исследователь-предмет", тогда как Вер-

¹ "Братство" - кружок университетской молодежи Петербурга, сформировавшийся в 1886 г. с целью нравственного самосовершенствования, поиска мирных путей эволюции социального строя в России. Члены "Братства" занимались просветительством, принимали участие в организации помощи голодающим крестьянам.

² Я сознательно опускаю проблему эволюции религиозных воззрений Вернадского как требующую самостоятельного исследования. В конце жизни он собирался написать очерк этапов развития своего "религиозного миропредставления" [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 144 - 145].

надский работал в рамках парадигмы "мысль как планетное явление", а "планета", как известно, населена не только научными "предметами".

Думаю, в последнем пункте этоса науки - императиве самокритики - позиции Мертона и Вернадского совпадают более всего. Тем более что оба как настоящие ученые постоянно развивали свои концепции. Вернадский был очень строг к себе и своему творчеству, постоянно стремясь оценить "самое глубокое и новое, что я вношу" [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 298]. Почти в каждой дневниковой записи он выставляет себе оценку: "хорошо работал", "очень хорошо работал", "думал", "работал не интенсивно", "сделал мало - но читал и думал много", "переписка" и т.д. Постоянно он корит себя, что мало и плохо записывал, потому что "отсутствие записей в ближайшие же дни равносильно исчезновению черт важных и неповторимых, не возвращающихся явлений" [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 115]. Для самооценки и оценки других нужны прежде всего факты! Отсутствие записей равносильно исчезновению событий истории. Возможно, ученый хотел написать историю (русской науки? страны?) на собственноручно собранных фактах. Размышлял о том, что значат "мелочи жизни" с точки зрения науки и философии [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 105].

С одной стороны, это был самоконтроль, способ дисциплинировать повседневную научную и организационную работу, с другой - Вернадский наблюдал за собой со стороны: как этот человек справляется, не потерял ли он свой интеллектуальный потенциал, интерес к жизни, к окружающим и близким. С третьей - Вернадский явно писал свои дневники для истории, для потомков, для последующего прочтения (что и произошло через 50 лет после его кончины). А также для написания истории повседневной жизни русского ученого, воспитанного и укорененного в русской культуре второй половины XIX - первой половины XX в. Наконец, можно предположить, что Вернадский хотел создать эталон дневника-хроники, образец личной биографии ученого. Недаром он почти всю жизнь собирал вырезки из газет и журналов, где говорилось о нем, и возил с собой, даже в эвакуацию, весь свой огромный архив.

Однако самокритика и самоконтроль включали и самоограничение. "Надо знать пределы доступного и самоограничиваться, когда нужно. Понимание этого является одним из основных моментов прохождения пути жизни с наибольшей сознательностью. Устремление к этой сознательности - волевое - входит в общую слагаемую человеческого проявления в ноосфере, ее сознательное создающее - максимальное нормальное проявление личности..." [Вернадский, 2006, кн. 2, с. 46].

Все же однако отмечу, что акценты у Вернадского были иные, поскольку "масштаб предмета" у Мертона и Вернадского несоизмерим. У первого - "предмет" сугубо научен, вычленен из социального контекста, у второго - соотношение науки и идеологии, науки и власти имело первостепенное значение. Для Вернадского одна из первостепенных задач - отделение науки от лженауки, открытия от плагиата или повторения, научного факта от спекуляции, от абсурда наконец (например, он защищал академика Н. Лузина, которого обвинили в "идеологическом фашизме"). Как должен вести себя ученый в этой гнетущей и опасной атмосфере? Каким должен быть баланс между научной работой и борьбой против партийного гнета? Как защититься от него знатоков, которых "заменить нельзя"? Повторю, Мертон строил свою концепцию этоса науки, исходя из отношения "исследователь-предмет", тогда как Вернадский был инсайдером, причем его предметом была вся российская наука в условиях тоталитарного общества. Поэтому не будет преувеличением сказать, что Вернадский всю жизнь боролся против бюрократического произвола в науке, против партийного контроля над нею. Фактически, этот ученый-натуралист одним из первых в России создал основы конфликтной концепции развития науки как социального института.

Этос Вернадского (максимы)

1. Научное знание, человеческая мысль самоценны и не терпят никакого вмешательства извне. Научная творческая работа есть одна из главных, растущих в своем значении форм социальной деятельности. Поэтому свобода мысли, научного поиска, профес-

сиональных и человеческих контактов абсолютно необходима - никаких внешних ограничений, никакого партийного руководства. Как говорил Вернадский, необходима "абсолютная свобода исканий" (научных, философских, религиозных) и доступность их результатов для всех. Научное знание - общее благо. Личность ученого и организация его работы связаны, но личность первична. Ученый имеет безусловное право на высказывание научной мысли и на ее обсуждение.

2. В 1930 г. ученый писал: "Научная творческая работа есть одна из главных, все растущих в своем значении форм общественной деятельности. Это зависит не только от того, что наука в своем проявлении есть социальное явление, но и от того, что реальное значение научной мысли неуклонно растет. Уже XIX век был веком знания, точного знания, положившего начало материальной культуре нового человечества. Я говорю нового, ибо именно наука через технику спаяла в единое целое все человеческое население планеты и к нашему столетию поставила вопросы жизни в планетном как говорят, мировом аспекте. Реально только благодаря ей можно говорить о мировом хозяйстве, мировой науке, мировой политике... Будущее научной работы как *общественной* работы вскроется ближайшему поколению в еще небывалом размахе" [Вернадский, 1997, с. 264].

3. Научное производство есть часть неразрывной триады "исследование-обучение-просвещение". Как писал в 1911 г. Вернадский, "высшая школа не есть *только* учебное заведение; больше того, - она может почитаться высшей школой только тогда, когда она выходит из рамок школы и становится научным учреждением, когда она является независимым центром научной мысли нации". В период конца XIX - начала XX в. научные традиции глубоко вошли в жизнь российских университетов, и подчинить бюрократии жизнь профессуры было уже невозможно, хотя такие попытки периодически предпринимались. И далее: "...можно смело сказать, что пока русские профессора будут стремиться к научной работе и будут научно работать, все стремления министерства <образования> сделать из них приниженных и униженных слуг будут напрасны". "Высшая школа имеет перед собой три совершенно различные задачи. Она должна учить подрастающее поколение... приучать его научно мыслить и научно работать. Она должна являться очагом научного искания, быть центром самостоятельной научной работы. И, наконец, она должна быть носителем просвещения в обществе и народе..." [Вернадский, 1995, с. 179, 189, 164, 166 - 167].

4. Ученый должен быть на уровне современного знания. Поэтому все, накопленное в мире науки знание должно быть доступно каждому исследователю для ознакомления и осмысления. Никакой цензуры, спецхранов, особых списков, никаких бюрократических препятствий между ученым и хранилищем знания, будь то библиотека, научный журнал или отдельная личность в любой точке земли. Структура научного учреждения, в том числе академии наук, есть функция познавательного процесса, а не политических доктрин и идей. Но этот процесс социализирован, то есть зависим от политического климата и культурного уровня самой научной среды. Эта среда формируется медленно, она очень хрупкая, и нет ничего хуже ее постоянной перестройки, бесконечных реорганизаций извне. Только развитие мирового знания и потребности страны могут корректировать организационную структуру этой среды. Российская наука - часть мировой культуры.

5. "Позитивная наука" стоит выше философии, часто повторял Вернадский. Поэтому, говорил он в 1932 г., "я философский скептик. Это значит, что я считаю, что ни одна философская система (в том числе и наша официальная философия) не может достигнуть той всеобщности, которой достигает (только в некоторых определенных частях) наука" [Вернадский, 1997, с. 253]. Результаты работ должны быть открыты всем, проверяемы, повторяемы. "Научные факты и научные эмпирические обобщения обязательны и для всякого ученого и для всякого философа, они, и только они одни, являются основой науки... Научные теории и научные гипотезы - которые особенно интересуют философскую мысль - в науке суть преходящие формы научного творчества. Они не только в корне меняются, не только постоянно оспариваются... Не гипотезы и теории, а научные факты и эмпирические обобщения составляют единую всеобщую основу науки", - писал ученый в 1928 г. [Вернадский, 1997, с. 240 - 241]. Методи-

ка исследования имеет первостепенное значение и не должна зависеть от вненаучных обстоятельств (религиозной, философской или этнической принадлежности).

6. Хотя вклад выдающихся личностей огромен и ничем не заменим, наука едина, так как она - не плод размышлений отдельных ученых, а совокупный продукт труда многих поколений. Поэтому знание истории науки каждым ученым - принципиально важный элемент индивидуального научного процесса. Даже если какие-то теории, парадигмы устаревают, отбрасываются, все равно они входят в фундамент познавательного процесса. История науки и техники - необходимая форма саморефлексии ученого и науки в целом.

7. Необходима максимальная концентрация ученого, то есть "жизнь только наукой". Нужна также максимальная критичность в оценке своих работ и достижений коллег по критерию вклада в мировую науку (она - единое "тело"). И одновременно - постоянная рефлексия по поводу прочитанного, сделанного, осмысленного. "Для меня дисциплина моей жизни - организовать свою жизнь так, чтобы наибольшее время отдавать моей научной работе" [Вернадский, 2006, кн. 2, с. 272].

8. Первостепенная значимость личного общения. Его не может заменить никакая библиотека. В ходе личного общения происходит трансляция уникальных идей и образцов культуры. Бесконечные реорганизации "тела науки", разрушая научную среду, неизбежно дезорганизуют индивидуальную творческую активность.

9. Оценка результатов работы ученого должна базироваться на "надперсональных" критериях, то есть не зависеть от его принадлежности к исследовательской группе или научной школе. Дисциплина и самоконтроль в научной работе и повседневной жизни - основы научного труда. Порядочность, личная ответственность, человечность ученого - исповедание принципа "как бы не навредить", но и отстраненность, понимаемая как объективная оценка результатов его труда коллегами (*peer review*). Ученый должен быть достоин своих учеников, основой их взаимоотношений являются диалог и дискуссия. Но это возможно лишь тогда, когда его аспиранты "знают достаточно глубоко" [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 355]. Только при соблюдении этих условий может сложиться научная школа.

10. Принадлежность к "касте" ученых налагает высокие обязательства, требования к ученому, в том числе моральные. Например, в октябре 1920 г, когда Вернадский с семьей уже должен был отплыть из Крыма в Англию, ему предложили место ректора Таврического университета, и он не счел возможным отказаться. Безусловное уважение к личности, к людям, сделавшим себя в науке сами. Однако ни всемирная известность, ни "многознание" не оправдывают любительства в науке. Принадлежность к "касте" ученых ни в коей мере не означает также отчуждения ученого от "мира", презрения к "простым людям". Напротив, поддержка страждущих - моральный долг ученого. "Я так счастливо поставлен, что могу поддерживать много людей..." [Вернадский, 2006, кн. 2, с. 252].

11. Воля, ум и честолюбие не искупают малообразованности. Мелкое честолюбие и тщеславие, низкопоклонство перед властью имущими всегда приводят к активному разрушению как личности ученого, так и его научно-организаторской работы - и в университете, и в Академии наук. Это не окупается ничем, даже тем, что такой человек некогда создал довольно большую школу учеников, кафедру или институт.

12. Настоящий ученый живет в трех измерениях: в прошлом (история науки, страны, мира, семьи, друзей), настоящем (чтение, общение с передовым "фронтом" науки, с профессионалами и простыми людьми, эксперимент, размышление, оценка) и в будущем (тестирование своих гипотез и концепций "будущим"). Если сверстники ученого "уходят", нужно поддерживать связь с прошлым через их книги, дневники, воспоминания о них, постоянно осуществлять переоценку прошлого (время, по мысли ученого, главный "оценщик"). Семья, семейные традиции имеют огромное значение для научного творчества.

Современная ситуация

Прежде чем попытаться построить хотя бы частичную концепцию этоса современного ученого, необходимо кратко очертить изменившийся контекст. Столетие назад ученый являлся знатоком, то есть человеком, обладавшим бесспорным научным авторитетом,

причем опора на великих предшественников была неотъемлемой частью этого авторитета. Такие ученые, как Вернадский, создавали "гранд-теории", парадигмы научного познания. Сегодня эти квалификации едва ли применимы. Речь, скорее, идет о фигуре исследователя или разработчика, то есть знатока конкретной проблемы для конкретной и быстротекущей ситуации. Изменится ситуация - потребуются другое знание. Поэтому исследователь гораздо реже опирается на знания, накопленные предшественниками (они - "историческое знание"), и гораздо более на "поле" современных ему работ по той же проблематике. Диалог во времени вытесняется диалогом в пространстве (*online*).

Далее, если раньше ученые стремились как можно быстрее реализовать добытое знание, то сегодня они все чаще обеспокоены неконтролируемыми последствиями реализации их разработок. Гигантски возросла зависимость исследователя от ресурсов, что ставит 90% научных работников в позицию "винтика" машины, именуемой "Большой наукой", огромных международных исследовательских комиссий и корпораций.

Но это "винтик" совершенно иного, нежели при тоталитаризме, свойства. "Винтик" сегодня - принуждение к индивидуализации в условиях растущей неопределенности. Неопределенность в ее различных терминологических ипостасях (ненадежность, нестабильность, уязвимость), по словам З. Баумана, У. Бека, П. Бурдьё, присутствует повсюду. Другие социологи называют этот феномен по-своему - небезопасность, неустойчивость, общество риска, и т.д. Но то, что они стараются постичь, говоря словами З. Баумана, это - "совокупный опыт *неуверенности* человека в его положении, в правах и доступности средств к существованию, *неопределенности* относительно преемственности и будущей стабильности, *отсутствия безопасности* для физического тела человека, его личности и их продолжений - имущества, социального окружения, сообщества" [Бауман, 2002, с. 194]. В ситуации неопределенности и рискованности скорость достижения научного результата обретает стратегическое преимущество перед долговечностью.

Глобальная неопределенность вообще и порождаемая реализацией "либерального проекта" в России в частности - могущественная "индивидуализирующая сила". Она разделяет, вместо того чтобы объединять и, поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идеи общности интересов и общего блага оказываются все более туманными. "Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку", это "лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики..." [Бауман, 2002, с. 31]. Именно поэтому индивидуализация совсем не синоним формирования уникальной личности и ее освобождения от власти обстоятельств.

Напротив, индивидуальное существование становится все более зависимым от сил, находящихся вне индивидуального контроля. Возникает феномен *принуждения к индивидуализации*. "Все мы являемся сегодня индивидами; не в силу выбора, но по необходимости. Мы являемся индивидами *de jure*, независимо от того, являемся ли мы ими *de facto*: решение задач самоопределения, самоуправления и самоутверждения становятся нашей обязанностью, и все это требует от нас самодостаточности, независимо от того, имеем ли мы в своем распоряжении ресурсы, соответствующие этой обязанности" и доросли ли мы до статуса личности [Бауман, 2002, с. 133].

Индивидуализированное общество, в том виде, в котором оно сейчас пропагандируется и тиражируется в России, ведет к подчинению науки и образования рынку, дегуманизации интеллектуального труда. Здесь просматриваются противоположные тенденции. Одна из них - коммерциализация. У нас, как и в странах "золотого миллиарда", интеллектуалы, чье общее значение все более принижается рыночной конкуренцией и растущим разрывом между "продвинутыми", успешными научными и образовательными институциями и их внутренней периферией, превращаются в ревностных сторонников внесения рыночных критериев в академическую жизнь. Успех и материальное благополучие ее участников измеряются не их научным или педагогическим авторитетом, а тем, насколько тот или иной учебный курс или исследовательский проект хорошо презентуется, продается, тиражируется. Как пишет Бауман, продаваемость "неизбежно становится высшим критерием оптимальности учебного плана, выбираемых курсов и присваиваемых степеней. Духовное лидерство - это мираж; задачей интеллектуалов

становится следование развитию внешнего мира, а не установление стандартов поведения истинности и вкуса" [Бауман, 2002, с. 171].

Сегодня российский ученый находится в ситуации выбора: или направить свои усилия на социальное продвижение, на карьеру, или же заняться собственно наукой, где на гарантированный и быстрый результат рассчитывать не приходится. "Для функционирования социальной машины "Наука" значим не смысл познания, а локальные цели ее бытия... Этот выбор в пользу социально гарантированной "синицы" в науке в сущности, той же природы, что и отказ от творческой и рискованной самостоятельности в бизнесе" [Афанасьев, 2005, с. 17]. Противоположная тенденция, развивающаяся в академическом мире, - это изоляционизм, замыкание в башне из "слоновой кости", "отступление с проигрышных позиций на рынке в крепость, построенную из элементов эзотерического языка и невразумительной теории", непонятных для широкой публики [Бауман, 2002, с. 171].

Наконец, научно-технический прогресс делает в принципе ненужными массу образованных и творческих людей. "Планета переполнена", говорит Бауман, но не в географическом, а социологическом и политологическом смыслах: речь идет о целях и средствах жизни населяющих ее людей. Это - совершенно новая социально-экологическая ситуация. Производство "человеческих отходов" есть неизбежный продукт этого прогресса и неотъемлемый компонент индивидуализированного общества. Это есть, в частности, неизбежный побочный продукт конструирования социального порядка, который квалифицирует некоторую часть существующего населения как "несоответствующую" или "нежелательную", но также и нового экономического порядка. "Переполненность планеты" означает действительный кризис индустрии производства образованных людей, причем глобализация резко ускоряет этот процесс и придает ему новый масштаб - нет легкодоступных способов ни для их "рециклирования", ни для их "хранения".

"Золотому миллиарду" просто не нужно такое количество творческих личностей. Поэтому теперь каждый оканчивающий школу или университет попадает в текучую и неопределенную ситуацию "избыточности". Мы все более ощущаем, что способы ее терапии (в самом широком смысле этого слова), выработанные в прошлом, не работают. Проблемы современности - не проблемы средств, как раньше, а проблемы целей - целей, которые формулируются и структурируются далеко за пределами индивидуального понимания и возможностей: "истоки наших забот отодвинулись далеко за пределы, которых мы можем достичь" [Bauman, 2004, p. 16 - 17].

Этос российского ученого сегодня

1. Новейшая история науки показывает, что ценно - и вознаграждается - главным образом то, что востребовано государством, его насущными нуждами. Научная работа есть лишь один из многих видов творческой деятельности, причем творческий подход в тиражировании (технологиях распространения знаний и ноу-хау) не менее важен, чем в фундаментальном исследовании. Партийного руководства наукой в России сегодня нет, но ограничений и правил - ресурсных, бюрократических и иных - все больше. "Свобода исканий" и человеческих контактов - удел подвижников или избранных. Право на высказывание и обсуждение есть у всех исследователей, но возможность быть услышанным - лишь у немногих. В одной ситуации снова повторяется: как писал Вернадский в 1911 г., "академическая среда в целом стала нравственно выше ставленников министерства". Русские ученые "совершили свою научную работу *вопреки* государственной организации, при отсутствии самых элементарных условий общественной безопасности". Они были равны своим западным коллегам по силе, но те "совершали эту работу или *при помощи* государства, или при помощи государственной организации, обеспечивающей им возможность спокойной научной работы" [Вернадский, 1995, с. 188, 189].

2. В мире действительно научная творческая работа есть одна из главных, все растущих в своем значении форм социальной деятельности, у нас - пока нет. Развиваются только научные отрасли, обслуживающие рынок, мы больше заимствуем, чем изобре-

таем и открываем. Генераторов идей становится все меньше, а "рутинных работников", которые легко заменяемы и положение которых ненадежно и уязвимо, все больше [Кастельс, 2000]. Смысл послания грядущего постиндустриального общества прост: практически каждый научный работник является потенциально излишним, кандидатом на роль "парии", "лишнего человека". Отсюда превращение научно-учебных институций (магистратуры, аспирантуры) в "интеллектуальные отстойники" для отсрочки вступления в жизнь и иных внеучебных целей.

Поскольку современный капитал опирается прежде всего на массовое и чрезвычайно изменчивое производство и массовое тиражирование продуктов интеллектуального труда, где бы они ни производились, лозунгом дня становится "*гибкость*", *способность к быстрому переключению социальных связей*. Потому совершенно по-новому ставится проблема целенаправленности деятельности ученого, которая всегда имела центральное значение для остойчивости научного коллектива, его самоидентификации. Сегодня социология сталкивается с ранее неизвестной задачей "такого процесса формирования личности, который изначально не ориентируется на заранее определенную цель", с задачей "открытого процесса, нацеленного скорее на то, чтобы оставаться открытым, чем на создание какого-то специфического продукта; процесса, для которого перспектива преждевременного "закрытия" более опасна, чем перспектива навсегда остаться незавершенным". Такая фрагментированная жизнь "имеет свойство проживаться эпизодами как череда бессвязных событий. Неуверенность как раз и является той точкой, в которой бытие распадается на части, а жизнь - на эпизоды" [Бауман, 2002, с. 175, 201]. Очевидно, что такая модель жизненного процесса, бытие "короткими перебежками" оказывает негативное воздействие на творчество и уклад жизни ученого.

3. Да, триада "исследование-обучение-просвещение" та же, но собственно научное производство диверсифицировалось, выйдя далеко за рамки академических институций. Появились независимые исследовательские центры, советы, комиссии, НКО и т.д. со все большим смещением от фундаментальных исследований в сторону политики, менеджмента и социальных технологий. Сформировались локальные и международные исследовательские сети и коллективы. Совмещение названных видов деятельности стало повседневной практикой, а главное - основным форматом каждого из элементов триады стал проект. Поэтому российский исследователь вынужден быть "многоруким".

Снижение роли университетов и других институциональных форм обучения шло на фоне возрастания важности *обучения в процессе разработки проектов*. В условиях быстро меняющейся ситуации периодическая профессиональная и менеджерская переподготовка, пройденная специалистом непосредственно на рабочем месте под руководством лидера проекта и тесно связанная с его задачами, а также организуемые теми же лидерами курсы и всевозможные формы переподготовки, приобретают ключевое значение. По некоторым подсчетам, только образовательных эконПО в России в 2003 г. было более двух тысяч [Общественные... 2003]. Вернадский был прав: "Усиление научной работы, связанной с местной или национальной жизнью, позволяет использовать духовные силы народа так сильно, как никогда не удастся их организовать в унитарной централистической организации. Местный центр использует и вызывает к жизни духовные силы, иначе не доступные к возбуждению" [Вернадский, 1995, с. 248]. Как сказал современный российский ученый, нацию создает резонанс "почвы" и "метафизики".

4. Дисциплинарные размежевания, новые проблемы и дефицит ресурсов означают, что быть "на уровне" можно только в очень узкой области. К тому же социальный критик редко понимает методолога, и оба они часто скептически относятся к требованиям профессионалов в области социальных технологий и методики исследования. Спецхранов больше нет, но методические новинки и результаты исследований охраняются столь же ревностно, как и корпоративные тайны. Политика (в широком смысле - как правила игры, устанавливаемые государством и рынком знаний) все более довлеет над структурой научного исследования. Научная среда парцеллизируется на проекты, конкурирующие группы и перманентно подвергается силовой реструктуризации со стороны властных сил с целью "дальнейшего совершенствования". Корректирование этой среды по ле-

калам западных советников и хронический дефицит финансовых ресурсов привели к феномену "догоняющей модернизации" ("парадигма освоения" по А. Богатурову).

Прочитую еще раз Вернадского: "Государство должно дать средства, вызвать к жизни научные организации, поставить перед ними задачи... дальше этого его вмешательство в научную творческую работу идти не может. Наука, подобно религии, философии или искусству, представляет собой духовную область человеческого творчества, по своей основе более могучую и более глубокую, более вечную, чем всякие социальные формы человеческой жизни. Она довлеет сама по себе. Она свободна и никаких рамок не терпит". Организация "научной работы должна быть предоставлена свободному научному творчеству русских ученых, которое не может и не должно регулироваться государством" [Вернадский, 1995, с. 249].

5. Представляется, что сегодня и естественные, и социальные науки, становясь все более технологически ориентированными, продолжают отдаляться от философии и теологии. В философии и социологии постпозитивизма (постмодернизма) проблема "общеобязательности истины" вообще снята. Ситуация парадоксальна: факты и эмпирические обобщения действительно составляют основу процесса научного познания, но методически они извлекаются совершенно по-разному, соответственно, различна и их интерпретация. Даже если результаты исследования открыты всем, как хотел Вернадский, то их "повторяемость и проверяемость" всецело зависят от этической позиции исследователя и избранной эпистемологии. Научная рациональность все чаще входит в противоречие с рациональностью культурной, с локальным знанием [Яницкий, 2006], иными культурными системами, для которых мы, европейцы, - культурная периферия [Цивилизационная... 2003, с. 49]. Если Вернадский напряженно размышлял о роли веры в деятельности ученого, называя себя "верующим вне христианской церкви", о путях возрождения православия в России, о значении веры в поддержании силы духа нации, о "миге" человеческой жизни с точки зрения вечности и роли в обществе "демонических натур" [Вернадский, 2006, кн. 1, с. 144, 245; кн. 2., с. 181], то сегодня, пожалуй, лишь проблема креационизма (божественного происхождения человека) волнует некоторых ученых.

6. Да, научное знание - плод труда многих поколений, но "единство науки" - большой вопрос. Только в социологии сегодня конкурируют, как минимум, пять теоретико-методологических направлений или "гранд-теорий" [Ядов, 2006]. Соответственно, если речь идет об ученых, а не о преподавателях или студентах, каждый из них интересуется историей своей дисциплины проблемно. А проблемный подход, в свою очередь, ведет к междисциплинарности, то есть к соединению разных научных подходов. Поэтому сегодня индивидуальный исследовательский процесс чрезвычайно избирателен, тем более, что он всегда ограничен временными и ресурсными рамками конкретного проекта. К этому его также подталкивают "стандарты научности", требующие четкого описания исходных концептуальных источников проводимого исследования, без чего его результаты не опубликует ни один зарубежный научный журнал.

За прошедшие 100 лет появились совершенно новые проблемы, а взгляд на многие "старые" существенно изменился. Я бы сказал, что сегодня не "история науки и техники", а поток новаций, порождаемых наукой и техникой, в столь же быстро изменяющемся глобальном контексте есть первостепенный предмет рефлексии отдельного ученого и науки в целом. В рыночном обществе история науки и техники, к сожалению, идет именно по курии педагогической и историко-мемуарной, а не научной литературы, что ясно видно по диссертационным работам, где их обзорная часть демонстрирует осведомленность соискателя, но часто никак не связана с последующим анализом. Рефлексия исследователя сейчас направлена не столько на историю науки, сколько на переоценку положения и социальной роли науки в современном обществе [Beck, 1992; Королева, 2005]. Как показала недавняя дискуссия в "Литературной газете" о причинах распада СССР, у социальных аналитиков сложился болезненный разрыв: научно-технический прогресс был тогда "на уровне", а ученые (которые отождествляются с интеллигенцией) - плохими, сервильными. Что вполне вписывается в образ "темной России", создаваемый западными СМИ. В этом отношении публикация первоисточников, подоб-

ных дневникам Вернадского, должна бы сыграть отрезвляющую роль для таких критиков, но она осталась незамеченной.

7. Концентрация только на науке по причинам, названным выше, возможна лишь для очень ограниченного круга рядовых подвижников, всегда работающих по принципу "во что бы то ни стало", или для немногих великих "классиков", которые могут позволить себе игнорировать почти все формы публичности. В любом случае такая углубленность, постоянная рефлексия по поводу прочитанного и сделанного - довольно тяжелый труд и посему далеко не всем по плечу. Далее, "тело науки" настолько разрослось, что с "передовым фронтом" только своей проблемной области даже очень "концентрированный" исследователь успевает знакомиться лишь реферативно. Большинство из них не стремятся или не имеют возможности для оценки себя и коллег "по критерию вклада в мировую науку". Необходимость соединения разнообразных занятий (наука, обучение, практика, политика), жесткий режим индивидуального вклада в очередной проект - вот, пожалуй, основной интерес и "дисциплина" их жизни. График смены видов труда, а не его содержание, - весьма характерная тенденция.

8. Да, значимость личного общения сохраняется. Однако цели и содержание его меняются. Сегодня при наличии всемирной паутины личное общение необходимо прежде всего для поддержания социального статуса, демонстрации личных возможностей и амбиций. Важно не то, что было придумано, выявлено, вычислено, а где и как это было представлено. Важно "появиться", помелькать, "отметиться". Презентации и тусовки все более вытесняют научный семинар или дружескую встречу. Поскольку научная среда сильно разрушена, индивидуальная творческая активность реализуется в других - публичных или корпоративных - средах.

Но есть причины и более глубокие. В индивидуализированном обществе "союзы хороши лишь на то время, пока они помогают вам идти вперед. Они становятся ненужными и даже опасными, как только надобность в них отпадает. Из активов они превращаются в обязательства, и горе упустившим этот момент превращения" [Бауман, 2002, с. XLVII-XLVIII]. В этом обществе нет прочных личных привязанностей и стабильных общностей - существуют лишь *временные союзы и коалиции*, которые создаются и рассыпаются в зависимости от наличия конкретной проблемы или возникновения конфликтной (рискогенной) ситуации. Уже сегодня пропаганда конкуренции и индивидуализма готовит индивида к тому, что общественное и индивидуальное - разные поля деятельности, что "общественное" не следует учитывать, что в контексте постмодерна социальные движения, гражданские инициативы, территориальные общности и другие стабильные организации недавнего исторического прошлого бесполезны.

Культурной нормой становится "набирание очков" на конкурсах на проекты, то есть умение писать и защищать заявки на получение грантов, а не обретение навыков диалога и тем более "радикального сомнения". Наконец, сегодня университеты, научные институты, аспирантура и другие формы приобретения интеллектуального и социального капитала все чаще превращаются в социальные убежища (от безработицы, службы в армии, как способ обрести временное жилище, "зацепиться" в столицах, и т.п.), пребывание в которых есть способ отсрочить столкновение с реалиями российского рынка труда.

9. Сегодня требовать оценки работы в соответствии с "надперсональными критериями" можно, если платишь очень большие деньги. То есть если ученый имеет ресурсы и права частного предпринимателя. Такими критериями сегодня являются использование международных методик, личных и коллективных сертификатов, организация и проведение исследований по международным стандартам, принадлежность к международным исследовательским центрам и сетям. Как сказал академик В. Фортов, "у нас остались те, кто уехал" [Фортов, 2005], то есть российская наука держится русскими за рубежом, их деньгами и связями. Нобелевские лауреаты русско-американского происхождения - лучший тому пример. В индивидуализированном обществе "порядочность" - уходящая натура, потому что нет "референтной группы", каковой для Вернадского было "Братство". На смену ей пришли менеджмент и политкорректность. Кроме того, личная ответственность все более ограничивается и вытесняется групповой и корпоративной. В

принципе, и сегодня оценка результатов работы ученого-практика должна базироваться на надперсональных критериях, однако реально она все более зависит от его принадлежности к исследовательским группе, центру или корпорации. Профессиональное признание *обменивается* на (более высокий) профессиональный или административный статус. Вместо отстраненности, независимости оценки труда коллегами (*peer review*) эта оценка все чаще зависит от принадлежности к некоторой группе, обладающей финансовыми и другими ресурсами. Научные школы вытесняются горизонтальными сообществами, работающими в общем исследовательском поле (*research networks*). "Человечность" в рыночном обществе все чаще интерпретируется как слабость, как абстрактный гуманизм. К тому же как ее измерить, если между исследователем и изучаемым объектом слишком много опосредующих звеньев (инструментарий, сети респондентов)?

10. "Касты" ученых более не существует, потому что сообщество российских ученых, деградируя и распадаясь, не может более выполнять роли законодателя этических норм научной и общественной деятельности. В индивидуализированном (и я бы добавил, рыночном, потребительски ориентированном) обществе интеллектуалы более не являются группой образованных людей, "*обладающих миссией*, которую они должны выполнить, и нравственностью, которую они должны воплотить в жизнь..." [Бауман, 2002, с. 248]. Этот вывод подтверждается и российскими исследователями [Профессиональные... 2003; Покровский, 1996]. Как уже отмечалось, место моральных стандартов занимают профессиональные (сертификация становится ключевым понятием).

Сегодня без политического ангажмента и/или служения корпоративному интересу стать *self-made man* в науке практически невозможно. Моральными ориентирами исследовательской работы становятся этические стандарты современного российского бизнеса ("удача", "успех", "опора на личные связи", "крыша"). Преуспевают эксперты, оценщики, консультанты, то есть включенные в бизнес и политический процесс специалисты, но не исследователи, не "люди науки". "В формировании иерархий влияния известность заменила славу, публичная известность вытеснила научные дипломы..." [Бауман, 2002, с. 163]. Любительство и паранаучные исследования процветают.

Российские ученые в массе своей беднеют, сами превращаясь в страждущих. Тем не менее их меньшая (не ангажированная политикой и бизнесом) часть видит свой моральный долг в помощи обществу, его гражданским инициативам в форме научно-общественных исследований и непосредственного участия в отстаивании прав и свобод "простых людей" [Яницкий, 2004]. В среде ученых-активистов возрождается (или продолжает существовать) этика служения общему благу. Регионализация и даже "локализация" рассматриваемой сферы деятельности лишь усилили этот этический обертон, потому что охрана природы стала гораздо более предметным, осязаемым делом сохранения и воспроизводства конкретных социально-экологических общностей.

Хотя "касты" ученых больше не существует, это не означает, что некому вырабатывать моральные стандарты. Но тут мы имеем, скорее, не стандарты научного творчества, а стандарты "сертификации", то есть соответствия игры по правилам, созданным вне группы, к которой принадлежит ученый-практик. Принадлежность к многочисленной страте "разработчиков" ни в коей мере не означает их отчуждения от "мира", презрения к "простым людям"; Скорее, наоборот. Вследствие попеременных контактов в разных культурных средах возникает "многоязычие", инвариант политической толерантности. Но в общем и целом это скорее прагматическая максима.

11. Да, малообразованность ("образованщина") - по-прежнему бич российской науки. Властные структуры и бизнес оттянули часть образованцев из ее рядов, но существующее законодательство стимулировало их быстрое пополнение новыми бюрократами от науки и новыми случайными людьми (упомянутый выше феномен отстойника). Малообразованность науки - также результат растущего дефицита в ней молодежи. Через 10 - 15 лет вузы буквально съедят науку, так как из-за демографической ситуации "аспирантов первого года обучения и вчерашних выпускников уже нужно будет направлять в лекционную аудиторию выступать в роли "профессоров", которых станет катастрофи-

чески не хватать для обеспечения образовательного процесса в высшей школе" [Водопьянова, 2005, с. 103].

К тому же СМИ создают для нее "проект" научной карьеры как "набирание очков" (стажировки, стипендии, гранты, презентации, участие в публичных шоу). Все это тешит честолюбие, но не способствует углубленному познанию. По уже названным причинам личность ученого находится под сильным давлением, так что "низкопоклонство" и сервизм в научных кругах - далеко не изжитые феномены. Краткосрочные проекты разрушают "длинные волны" ученичества как социального института, формирование научных школ. Так что "воля, ум и честолюбие" сегодня в этой среде часто соседствуют с малообразованностью и непрофессионализмом. Низкопоклонство хотя и разрушает личность ученого, но нередко приносит ему большие дивиденды. Тем более, что рынок тешит и честолюбие, и тщеславие, поскольку они способствуют продаваемости продукта прикладного исследования.

12. Современная максима - "быть востребованным", она же и главный "оценщик". Мир все быстрее меняется, новые проблемы и новые точки зрения возникают буквально каждый день. Поэтому сегодня исследователь живет прежде всего в настоящем, которое при этом значительно ограничено во времени и пространстве потребностью зарабатывать на жизнь и подтверждать свой социальный статус (в НИИ, вузе, исследовательской корпорации, властных структурах, исследовательских сетях, экспертных сообществах, профессиональных тусовках). Репутации все чаще приобретаются и теряются за пределами академических стен, а роль научного сообщества, мнение которого имело ранее общественный вес, снижается. То, чем всегда гордилась российская наука, - широтой общего образования, - становится неактуальным. Времени и сил на углубленную рефлексию, как правило, не хватает. Нет и возможности поддерживать связь с ушедшими в иной мир - надо быть "на плаву". Семейные традиции вытесняются "внешним" общением членов семьи по индивидуальным интересам. Личные и семейные истории (*storytelling*), используя в карьерных целях, также становятся товаром [Сальмон, 2006], а профессиональные истории, как говорит Р. Сеннет, - "средством эмоциональной самозащиты".

* * *

Чем более удаляется от нас фигура Вернадского, тем больше она "проявляется", но и тем больше вопросов порождает. Что это - "уходящая натура", последний энциклопедист, обозначивший рубеж, когда историческая эпоха, порождавшая таких гигантов, закончилась? Кто он сам: пророк, суперэволюционист? Историк нового типа, хотевший найти общий принцип (принцип коэволюции) природы и общества? Социальный философ, пытавшийся понять нравственную динамику российской интеллигенции в переломную эпоху трех революций, во времена тоталитаризма? Почему он считал необходимым сочетать свои глобальные - биосферные - идеи с политической полемикой, кропотливое изучение истории науки с бытописанием, работой рядового хроникера? Может быть, Клио просто заигрывает с нами, создав некий "идеальный тип" личности ученого-гражданина, которого не может быть никогда?

Я склонен понимать феномен Вернадского как высшее выражение русской культуры на рубеже XIX-XX вв., трагические обстоятельства которых лишь максимально проявили и обострили ее лучшие стороны. Как сугубо национальные, так и глобальные, общечеловеческие. Вернадский дал нам "точку отсчета" для изучения процесса глобализации русской науки, обозначив одновременно его тупиковые - этические и организационные - направления. Он, как и Д. Менделеев, И. Павлов, Н. Пирогов, И. Сеченов и другие столпы русской науки того периода, четко обозначил императив нравственной ответственности научного сообщества за судьбы страны и мира, тем самым переадресовав этот вопрос нам: способна ли российская наука сегодня функционировать в этом качестве?

Насытив свои статьи и дневники многими сотнями имен, Вернадский заставил своих учеников и последователей документально "расшифровывать" гигантский пласт русской и мировой науки и культуры, эксплицировать сети и связи их больших и малых имен, концепций и нравственных позиций. Тем самым Вернадский выполнил свой личный нравственный долг перед русской наукой, потому что без его дневников и хроник этот пласт, возможно, не был бы выявлен и понят никогда. Подчеркну еще раз: "этос Вернадского" - не вычислен, не сконструирован на основе изошренных опросных методик. Это его личные, выношенные и выстраданные опыт, размышления, убеждения и жизненные принципы в контексте перелома эпох. Наконец, еще одна странность: публикация дневников и публицистических статей Вернадского шла с "опозданием" в 100 лет. Случайно ли это? Или столетие есть та историческая дистанция, которая необходима для понимания эволюции взаимоотношений государства и общества?

Как я попытался показать, "дальнодействие" этоса Вернадского имеет свои пределы. Этос ученого сегодня быстро меняется. Тем не менее для нас, сегодняшних, чрезвычайно важно, что такое научное и нравственное ядро, вокруг которого вращался целый мир, было и что, благодаря многолетним усилиям публикаторов и комментаторов дневников и трудов Вернадского, мы имеем "вход" в этот мир, в действительную историю русской и советской науки, что можем соотносить с ним себя, свои успехи и промахи в условиях очередной исторической ломки. Но как горько, что тысячи подобных "гнезд" были разорены и уничтожены навсегда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев Ю. А.* Знать, чтобы стать силой // Новая газета. 2005, 10 - 13 февраля.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Водопьянова Е. В.* Судьбы российской науки // Свободная мысль. 2005. N 1.
- Вернадский В. И.* Дневники 1935 - 1941 гг. В 2 кн. Кн. 1. 1935 - 1938; кн. 2. 1939 - 1941. М., 2006.
- Вернадский В. И.* Публицистические статьи. М., 1995.
- Вернадский В. И.* Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997.
- Демина Н. В.* Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. N 4.
- Кастельс М.* Информационная эпоха. М., 2000.
- Королева Е. В.* Образы "большой науки" и подходы к экполитике в западной социологии риска // Социологический журнал. 2005. N 3.
- Мирская Е. З.* Этические регулятивы функционирования науки // Вопросы философии. 1975. N 3. Общественные ресурсы образования. Справочник. М., 2003.
- Покровский Н. Е.* Российская интеллигенция перед историческим выбором // Интеллигенция в условиях нестабильности. М., 1996.
- Профессиональные группы интеллигенции. М., 2003.
- Сальмон К.* Всепроникающий storytelling // Le Monde diplomatique (русское издание). 2006. Ноябрь.
- Фортов В.* У нас остались те, кто уехал // Новая газета. 2005, 20 - 23 октября.
- Цивилизационная специфика России: "каким аршином мерить?" М., 2003.
- Ядов В. А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
- Яницкий О. И.* Диалог науки и общества // Общественные науки и современность. 2004. N 6.
- Яницкий О. Н.* Производство социально-экологического знания. Статья 2. Политический и культурный контекст // Общественные науки и современность. 2006. N 6.
- Bauman Z.* Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, 2004.
- Beck U.* Risk Society. Toward a New Modernity. London, 1992.
- Merton R. K.* Science and Technology in a Democratic Order // Journal of Legal and Political Sociology. 1942. Vol. 1.
- Merton R. K.* Social Theory and Social Structure. New York, 1949.